

**МЕТОДЫ АНАЛИЗА РЕЧЕВЫХ АКТОВ:
ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ЛИНГВОЭКСПЕРТНОЙ
И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ**

Т. В. Чернышова

Алтайский государственный университет, Барнаул
labrlexis@mail.ru

Аннотация. В статье обсуждается проблема эффективности использования в экспертной российской практике лингвистического анализа конфликтных текстов с применением методического инструментария теории речевых актов. Новым аспектом разрабатываемой проблематики является попытка осмысления возможностей, которые предоставляются теорией речевых актов в интерпретации речевого правонарушения, и ограничений этих возможностей, обусловленных требованиями современного российского законодательства, современной судебной практикой РФ.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, теория речевых актов, речевой акт оскорбления, речевые акты утверждений и мнений, инвариант речевого акта, коммуникативная направленность высказывания, законодательство Российской Федерации.

**Methods of analysis of speech acts:
opportunities and problems of use in practice
of conducting forensic linguistic examinations**

T. V. Chernyshova

Altai State University, Barnaul
labrlexis@mail.ru

Abstract. The article discusses effective application of speech-act analysis methods to conflictogenic text expertise in Russian forensic linguistics practices. It describes an attempt to understand the

possibilities of using the speech-act theory as an instrument for interpreting speech offenses, as well as its limitations imposed by the modern Russian legislation.

The goal is to assess the effectiveness and relevance of using speech-act analysis results in modern Russian judicial practices.

The method of semantic-pragmatic analysis (J. R. Searle, K. I. Brinev, etc.) was used to describe speech acts found in conflictogenic texts, and comparative analyses conducted.

The purpose was to identify the difficulties of using the theory of speech acts methodology in forensic linguistics, gauge its advantages as an instrument for interpreting a speech act as a speech offense, and determine its applicability under the existing Russian legislation norms and judicial practices.

A comparative analysis of linguistic expertise findings shows that the speech act theory can be effectively used in legal cases regarding speech conflicts (insults or other speech acts requiring identification of statements as statements about facts), while its active application is restricted both by the Russian legislation concerning criminalization of speech acts, and, to some extent, by certain vagueness of the existing legislative formulae which allow for different qualification of the same speech act.

Keywords: judicial linguistic examination, theory of speech acts, speech act of insult, speech acts of statements and opinions, invariant of speech act, communicative orientation of utterance, legislation of the Russian Federation.

1. Введение и постановка задачи

В данном сообщении мы вновь возвращаемся к проблеме выбора методов и приемов исследования спорных текстов в рамках проведения лингвоэкспертного анализа текста [Чернышова 2016], а также к проблеме эффективности использования полученных результатов исследования в судебной российской практике. Новым аспектом разрабатываемой проблематики является попытка осмысления анализируемых речевых актов с позиций современного российского законодательства, существующей лингвоэкспертной практики и теории речевых актов.

Одним из стимулов написания данного доклада послужила статья А. Н. Баранова «Лингвистика в лингвистической экспертизе (метод и истина)»:

«Роль лингвистики в лингвистической экспертизе требует специального рассмотрения как минимум по двум причинам: во-первых, потому, что, вопреки здравому смыслу, новые подходы в системе подготовки соответствующих специалистов полностью игнорируют собственно лингвистический характер знаний лингвистов-экспертов, сводя его к юридической образованности, и, во-вторых, потому, что падение уровня лингвистических знаний, а также прагматические факторы ... приводят к падению научного уровня экспертных исследований, превращая их в тексты жанра „чего изволите“. Нет нужды говорить, что это пагубная тенденция развития лингвистической экспертизы, которая в ближайшей перспективе определенно приведет к исчезновению обсуждаемого направления как общественно полезной и востребованной деятельности» [Баранов 2017: 19].

Объектом нашего рассмотрения является теория речевых актов как лингвистический метод, используемый в лингвоэкспертной практике для анализа спорных текстов, предметом — эффективность и **востребованность** полученных результатов исследования, добытых с помощью данного метода, в современной судебной российской практике.

Исследователи, опираясь на имеющуюся судебную практику, отмечают эффективность использования теории речевых актов (далее — ТРА) при анализе речевых ситуаций, речевого поведения участников разговора [Ли, Карымсакова 2016] и т. д. Приведу несколько примеров:

А. Н. Баранов: «Не менее существенна для экспертизы текста лингвистическая прагматика. В особенности теория речевых актов, определяющая коммуникативную направленность высказывания (его иллокутивную силу) и сущность таких важнейших речевых категорий, как утверждение, оценка, призыв» [Баранов 2011: 18–19];

Т. Б. Радбиль, В. А. Юматов: «Именно использование теории речевых актов в лингвистической экспертизе позволяет достоверно квалифицировать определенные высказывания, содержащиеся в анализируемом тексте, как действия с помощью слов, подлежащие впоследствии, в процессе судопроизводства, правовой оценке» [Радбиль, Юматов 2013: 287];

К. И. Бринев: «В данном случае задача лингвистической экспертизы — описать тот вариант поведения, который выбирает субъект

речевого произведения в той ситуации, которая квалифицируется как юридический факт в том смысле, что влечет юридически значимые последствия. Сюда относятся задачи по выявлению следующих тождеств (в том смысле, что мы отвечаем на вопрос, кодирует ли говорящий соответствующую информацию в своем сообщении или нет).

1. Отождествление речевых актов:
 - оскорбления;
 - призыва;
 - утверждения;
 - угрозы.
2. Отождествление семантических характеристик высказывания:
 - А) Отождествление утверждения о фактах:
 - а) ментального состояния субъекта, порождающего текст;
 - б) описывающих фрагменты окружающей действительности.
 - Б) Отождествление оценки» [Бринев 2009: 54].

Исследователи также отмечают, что «все вышеуказанные проблемы, при всем их смысловом различии, объединяет... только один признак: во всех этих случаях лингвист на самом деле анализирует не семантику употребленных слов и выражений, он анализирует действия, совершенные с помощью слов» [Радбиля, Юматов 2013: 286].

Цель данного исследования — на примере лингвоэкспертного анализа конфликтных текстов, ставших предметом судебного разбирательства по двум категориям дел: 1) квалифицируемых российским законодательством как оскорбление (ст. 5.61 КоАП РФ и ст. 319, 297 УК РФ), 2) по делам о защите чести, достоинства, деловой репутации и возмещении морального вреда (ст. 152, 151 ГК РФ), — выявить проблемные аспекты, связанные с использованием методического инструментария ТРА в ходе проведения лингвистической экспертизы, в частности, рассмотреть возможности, которые предоставляются ТРА в интерпретации речевого правонарушения, и соотнести результаты исследования с требованиями современного российского законодательства, современной судебной практикой РФ.

2. Теория речевых актов и отождествление речевого оскорбления

Речевой акт (далее — РА) оскорбления — речевой акт **«оценочной**, а именно — **негативно-оценочной квалификации** (квалифика-

тивы)» [Радбиль, Юматов 2013: 288], изучен исследователями довольно хорошо и разноаспектно: выделена группа лексических единиц, которые отнесены к разряду оскорбительных (И. А. Стернин); проанализированы составляющие РА оскорбления (Т. Б. Радбиль, В. А. Юматов); описаны с помощью примитивов А. Вежбицкой функции высказываний и коммуникативные (иллокутивные) намерения автора (К. И. Бринев); оценены условия успешности данного речевого акта (А. Н. Баранов).

В российской законодательной практике оскорбление как речевое правонарушение отражено в статьях Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (статья 5.61 «Оскорбление», введена Федеральным законом от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ) и Уголовного кодекса РФ (статья 319 «Оскорбление представителя власти», статья 297 «Неуважение к суду»).

Представляется, однако, что проблема юридизации речевых конфликтов, относящихся к оскорблениям, не может быть признана решенной. Каждая новая ситуация оскорбления вызывает новые вопросы и вскрывает нерешенные проблемы. Полагаем, что одной из наиболее актуальных проблем является признание конкретного высказывания (группы высказываний) оскорбительным. Обусловлено это, на наш взгляд, рядом факторов. С одной стороны, тем, что представления лингвистов¹ об иллокутивной силе высказывания в пределах РА не вполне совпадают с понятием «речевого правонарушения» в современном российском законодательстве и судебной практике — иначе говоря, не все варианты реализации РА оскорбления подпадают под соответствующий закон; с другой стороны, «важнейшими аспектами взаимоотношений естественного языка (ЕЯ) и языка юридического (ЮЯ) (...) Основной юр-лингвистический пафос в связи с этим заключается в требовании максимального (точнее здесь сказать — максимально возможного) учета внутренних закономерностей ЕЯ при его правовом регулировании. Идеальным здесь является положение, при котором естественные, выработанные самим языком законы, нормы органически детерминируют юридические каноны. Достичь этого идеала, конечно, трудно, так как антиномическое устройство языка предполагает активное действие в нем разнонаправленных сил, охватить которые

¹ О разнице метаязыкового сознания юристов и лингвистов см.: [Лебедева 2000].

юридические презумпции никак не могут (в определенном смысле — и не должны)» [Голев 2000: 10]. Наконец, функции судебных и «несудебных» лингвистов-экспертов различны: роль первых, как следует из Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», состоит в оказании «содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям и прокурорам в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла» [Федеральный закон]; задача вторых, наряду с вышеизложенным, заключается в том, чтобы по мере возможностей формировать нормы речевого поведения и способствовать повышению речевой культуры в социуме.

Обратимся к содержательному анализу каждой из указанных законодательных статей.

А. Содержание статьи 5.61 «Оскорбление»: «...оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное **в неприличной форме**» [Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях].

Не останавливаясь на проблеме «неприличной формы», которая освещена во многих исследованиях (И. А. Стернин и др.) и до сих пор еще окончательно не решена, сформулируем вопросы, которые возникают при идентификации речевого акта как оскорбления в повседневной экспертной практике:

1. Означает ли формулировка статьи, что оскорбление, осуществленное при помощи иной, кроме неприличной, лексики, оскорблением не является?

2. Меняется ли коммуникативная направленность оскорбительного высказывания (его иллокутивная сила), если оценка выражена иной лексикой?

Исследования экспертов, осуществленные с использованием инструментария ТРА, не всегда дают на эти вопросы однозначные ответы.

Так, К. И. Бринев в своей монографии, с одной стороны, отмечает осуществленную вариативность степени причинения вреда, что «снижает необходимость в подведении всех речевых актов, содержащих инвективу, к оппозиции оскорбительно / неоскорбительно ...»

[Бринев 2009: 83], а с другой стороны, завершает этот абзац следующей фразой: «Признаки речевых актов инвективы настолько разнообразны, что, по нашему мнению, в будущем **позволит юридизировать различные степени причинения морального вреда, а также его отсутствие**» [Бринев 2009: 83] (выделено мною — *Т. Ч.*).

Согласно описанию К. И. Бринева, «речевой акт оскорбления характеризуется коммуникативным намерением говорящего причинить психологический ущерб слушающему путем использования стилистически сниженного речевого оборота, содержащего негативную оценку, реализованную при помощи эмоций презрения и неодобрения» [Бринев 2013: 60]. Данное утверждение значительно расширяет круг лексем, обладающих оскорбительным потенциалом, вводя в группу неприличных не только обценные слова (мат), но все многообразие лексем русского экспрессивного просторечия.

Типовые признаки речевого акта негативно-оценочной квалификации (квалификативы), иначе — оскорбительного речевого поведения говорящего, можно описать следующей формулой:

- А) Знаю, что X способно причинить тебе психологический ущерб;
- Б) Хочу, чтобы ты знал, что я говорю X;
- В) Говорю X, чтобы причинить тебе психологический ущерб [Бринев 2013: 61]

Или:

Г) Говорю тебе X, чтобы показать, что твой статус ниже моего; где X — оскорбительное (неприличное) высказывание или слово.

Данная формула представляет собой инвариант речевого акта оскорбления, который в ситуациях межличностного и публичного общения реализуется в нескольких вариантах. На наш взгляд, коммуникативная направленность высказывания, отождествляющая оскорбительный РА, остается величиной постоянной и направлена на снижение статуса оппонента и причинение ему психологического ущерба независимо от формы высказывания (приличной или неприличной), что дает основание для следующих утверждений:

1) в реальной повседневной коммуникации оскорбительным потенциалом обладают не только (и не столько) высказывания,

выраженные в неприличной форме, но и другие инвективы, содержащие негативную оценку личности инвектума и обращенные в его адрес;

2) лингвист, отождествляющий речевой акт, содержащий оскорбление лица, выраженное любым способом, может (должен) указать на его оскорбительный характер, если, оценивая условия речевого акта, он приходит к выводу о том, что в ходе данного речевого акта через использование оценочной лексики и фразеологии произошло снижение статуса инвектума по отношению к статусу инвектора.

Данные выводы подтверждаются и экспертной практикой, в ходе которой возможны различные варианты заключения эксперта на основании анализа речевых актов оценочной (а именно — негативно-оценочной) квалификации. Приведу несколько примеров:

1. Вывод эксперта не противоречит статье закона (в коммуникации использована неприличная форма):

— Пример из заключения специалиста от 14 сентября 2017 г. по материалам дела о ссоре соседей по поводу неправомерных действий одного из них. Обладающими нецензурной формой (обsceneй и вульгарной) и оскорбительными являются следующие высказывания, произнесенные М1 в адрес М2 (*п**ор ё**ный, сука*).

2. Вывод эксперта частично противоречит статье закона (в коммуникации использованы единицы разного стилистического статуса).

— На исследование специалиста предоставлены следующие высказывания, произнесенные С. в адрес К.: *колхозанка ё**ная, нищебродка*.

Существительное *колхозанка* имеет значение ‘человек необразованный, некультурный, примитивный, обычно приехавший из деревни, провинции’ (имеет пометы *просторечное* или *диалектное*). Слово жаргонного происхождения, относится к бытовому жаргону, зафиксировано в «Словаре русского арго» В. С. Елистратова [Елистратов]. Направлено на снижение социального статуса объекта речи, т. е. оскорбление.

В речи С. это слово употреблено в сочетании с нецензурным определением *ё**ная*, значение которого — ‘скверный, отвратительный, дурной’. Данное слово в «Большом словаре русской разговорной экспрессивной речи» В. В. Химика [Химик 2004] сопровождается пометой «презрительное». Данный эпитет усиливает негативный потенциал высказывания.

2) Существительное *нищоброд* зафиксировано в словарях жаргонной речи [Александрова 2001], распространено в молодежном сленге, в интернет-сленге. Употребляется в значении ‘человек, который не способен заработать достаточное количество денег на разнообразные нужды, любящий считать чужие деньги’. Относится к категории бранных, социально-оценочных. Направлено на снижение социального статуса объекта речи, т. е. оскорбление.

Таким образом, оба выражения относятся к группам бранной просторечной или жаргонной лексики, обладают высоким оценочным потенциалом, содержат негативную оценку личности и личностных качеств К. и направлены на снижение ее социального статуса, т. е. на оскорбление.

К наиболее грубым оскорбительным высказываниям относится сочетание *колхозанка ё**ная*, в состав которого входит нецензурное определение *ё**ная*.

3. Вывод эксперта входит в противоречие со статьей закона (оскорбление есть, но оно не обладает неприличной формой):

— Пример из экспертного заключения от 19 января 2010 г. о ссоре двух женщин, последовавшей после ссоры их детей:

Высказывание *Нарожала бы своих детей и тогда бы их воспитывала* представляет собой утверждение и адресовано К. Данное высказывание входит в состав речевого действия, которое может быть названо *понижение статуса* адресата. Данное действие описывается следующей формулой:

- А) Знаю, что истинно X;
- Б) Говорю тебе, что истинно X;
- В) Говорю тебе это для того, чтобы ты знал, что истинно X.

При этом если говорящий употреблял эти высказывания в присутствии К., то он осознавал, что они (высказывания) способны понизить ее статус в глазах третьих лиц.

Высказывание *Я (В.) на х*й знаю, что ребенок не твой, никого не рожала, взяла ребенка на воспитание из детского дома, все об этом знают и молчат, я же молчать не буду, ты не в состоянии иметь своих детей, потому что бесплодная* представляет собой утверждение и адресовано К. Данное высказывание входит в состав речевого действия, которое также может быть названо *понижение статуса* адресата. Данное действие описывается следующей формулой:

- А) Знаю, что тебе свойственно X;
- Б) Знаю, что X считается негативно ценным;
- В) Говорю тебе, что тебя характеризует X;
- Г) Говорю это тебе для того, чтобы ты знал, что твой статус ниже моего.

Подобные речевые акты производятся с целью утверждения о своем превосходстве по отношению к адресату сообщения. В основе этих речевых произведений лежат описательные высказывания. В анализируемом случае для утверждения своего превосходства В. использует фоновые знания о состоянии здоровья адресата (*бесплодна*), о секретах, которые могут быть в семье адресата (*взяла ребенка на воспитание из детского дома*). Другими словами, говорящий в речевом отношении ведет себя так, как если бы он знал, что К. присуще какое-то качество, которое является негативно ценным.

При этом если говорящий употребил эти высказывания в присутствии К., то он осознавал, что они (высказывания) способны понизить ее статус в глазах третьих лиц (общение происходило публично, во дворе дома, где живут обе женщины).

Все фразы содержат отрицательную оценку личности того, в чей адрес они направлены, — К. Данные высказывания обладают оскорбительным потенциалом, следовательно, речевое поведение В. должно быть квалифицировано как оскорбительное.

Б. Содержание статей УК РФ: 319-й «Оскорбление представителя власти» («Публичное оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением...») и 297-й «Неуважение к суду» («1. Неуважение к суду, выразившееся в оскорблении участников судебного разбирательства...») [Уголовный кодекс РФ].

Содержание данных статей также вызывает ряд вопросов, например:

1. Всегда ли для признания высказывания оскорблением необходима неприличная форма? (ст. 279 и 319 УК РФ об этом умалчивают). По замечанию К. И. Бринева, «вопрос об обязательности неприличной формы выражения оскорбления так же, как и в случае со ст. 297 («Неуважение к суду»), остается к настоящему времени открытым» [Бринев 2012: 59].

2. Можно ли признать оскорблением высказывание в адрес представителя власти в неприличной форме, если оно совершено непублично?

Таким образом, с точки зрения ТРА, в рамках которой на основе инварианта происходит отождествление высказывания как оскорбительного РА, иллокутивная сила (коммуникативная направленность) высказывания остается величиной постоянной, направленной на снижение статуса оппонента и причинение ему психологического ущерба независимо от формы высказывания (приличной или неприличной), что позволяет экспертам при анализе подобных речевых актов пользоваться разными методиками в зависимости от исходных теоретических и методических посылок. Перечень оскорбительных языковых единиц при этом обусловлен исходными теоретическими посылками, отраженными в методиках анализа, и может сужаться, включая только обценную лексику и фразеологию, или же расширяться (кроме обценных языковых единиц к числу оскорбительных относят просторечия — например, вульгаризмы, жаргонные слова и некоторые группы слов литературного языка).

3. Анализ утверждений и мнений сквозь призму теории речевых актов (ст. 152, 151 ГК РФ — дела о защите чести, достоинства, деловой репутации и возмещении морального вреда)

Высказывания этого типа исследователи относят к группе **репрезентативов** (в другой терминологии — ассертивов), они «имеют общее коммуникативное намерение — сообщение о факте / событии, но различаются степенью выражения иллокутивной силы и типом интенционального ... состояния говорящего» [Радбиль, Юматов, 2013: 288].

Согласно исследованиям Дж. Р. Серля, суть их состоит в том, «... чтобы зафиксировать (в различной степени) ответственность говорящего за сообщение о некотором положении дел, за истинность выражаемого суждения. Все элементы класса репрезентативов могут оцениваться по шкале, включающей *истину* и *ложь*» [Серль 1986а]. По мнению исследователей, репрезентативы представляют собой «высказывания-утверждения, основной функцией которых является передача некой актуальной информации, сообщение адресату

о реальном положении дел» [Здесенко, 2015], информирование адресата о чем-либо с целью изменения его сознания [Караваева 2013].

В рамках данного исследования представляется актуальным следующее высказывание Дж. Р. Серля: «Самый простой тест для репрезентативов — следующий: можете ли вы буквально оценить высказывание (кроме прочего) как истинное или ложное. Сразу же добавлю, что это — **ни необходимое, ни достаточное условие**» [Серль 1986а] (выделено мною — *Т. Ч.*). Тем не менее в рамках ст. 151, 152 ГК РФ данное условие оказывается весьма актуальным для признания каких-либо распространенных сведений порочащими честь, деловую репутацию или умаляющими достоинство лица, поскольку в современной лингвоэкспертологии сформировалась традиция противопоставлять утверждения о фактах и выражения мнений по следующему основанию: «утверждения о фактах сообщают то, что имело место в реальности, а мнение сообщает о том, какой образ реальной ситуации сложился в ментальности говорящего» [Бринев 2012: 92]. По мнению К. И. Бринева, которое мы разделяем, «в гносеологическом плане нет никакой разницы между высказываниями „Идет дождь“ и „Я считаю, что идет дождь“, оба могут соответствовать действительности, а могут быть ложными» [Бринев 2012: 93].

Кроме того, как свидетельствует опыт проведения лингвистических экспертиз, на практике оказывается достаточно сложным непротиворечиво разграничить факты и мнения ввиду их смысловой связанности (как правило, мнения или оценочные суждения сопровождают фактологическую информацию, и именно они позволяют квалифицировать факт как негативно ценный). Немаловажно и то, что в некоторых сферах общения (например, публичная и массовая коммуникация) порочащим честь, деловую репутацию или умаляющим достоинство лица часто оказывается не перечисление конкретных фактов, а общая негативная оценка деятельности, деловых качеств личности, ставшей объектом дискредитации.

Обусловлено это, на наш взгляд, тем, что, «совершая иллокутивный акт, говорящий намерен получить определенный результат, заставив слушающего опознать свое намерение получить этот результат, и далее, если он употребляет слова в буквальном смысле, он хочет, чтобы это опознание было осуществлено благодаря тому факту, что правила употребления произносимых им выражений связывают эти выражения с получением данного результата» [Серль 1986б]. Продолжая свое рассуждение, Дж. Р. Серль утверждает:

«ясно (или станет потом ясно), что гипотетическое утверждение, *что р*» (т. е. высказанное автором суждение в форме предположения или собственного мнения), «и простая констатация, *что р*» (суждение о факте) «находятся в одной и той же плоскости», при этом «степень убеждения и ответственности может приближаться к нулю или даже быть ему равна» [Серль 1986б].

А. Содержание статьи 152 «Защита чести, достоинства и деловой репутации»:

Гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности [ГК РФ].

Таким образом, ст. 152 ГК РФ предполагают защиту чести, достоинства, деловой репутации человека в том случае, если о нем распространены **порочащие сведения**.

Как следует из [Постановление Пленума Верховного Суда РФ], «порочащими, в частности, являются сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица».

Словарный анализ лексемы *порочащий* позволяет ввести ее в следующий ряд синонимических понятий: *шельмующий, поносящий, замарывающий, позорящий, бесчестящий, дискредитирующий, бесславящий, срамящий, компрометирующий, охаивающий, охульный, пятнающий, чернящий, грязнящий, поносный, инсинуационный, опорочивающий, обесславливающий, ославляющий* [Словарь синонимов], что вводит РА репрезентативов в число побудительных речевых актов дискредитирующего типа.

Назовем лишь некоторые из этих особенностей, составляющие «дискурсивный фон» развертывания дискредитирующего речевого акта [Чернышова 2013], как правило, сопровождающегося ситуацией речевого конфликта:

1) фактор публичности как явление объективного порядка, обусловленное освещением конфликтной ситуации средствами массовой информации, в ходе которого к обсуждению привлекаются представители различных профессий, политических партий и общественных объединений, а также ученые, политики, политологи и социологи, на авторитетное мнение которых ссылаются журналисты, и частные лица, как правило, выражающие «общественное» мнение.

2) человеческий фактор как явление субъективного характера, роль которого определяется **психологическим состоянием** конфликтующих сторон, **наличием** явного или скрытого **конфликта** между ними, обостряющегося при стечении неблагоприятных обстоятельств; провокационным сигналом в развертывании речевого конфликта в сфере медиакommunikации, в качестве которого может выступать **негативная оценочная лексика** (фразеология), влекущая за собой сознательное или неосознанное нарушение пишущим правил и норм речевого поведения, принятых в публичной сфере социального взаимодействия, либо распространение **негативной** (порочающей, позорящей) **фактологической информации** о субъекте публикации [Чернышова 2013: 165–166].

Как указывалось ранее, оценочные суждения пишущего и говорящего, как и его личное мнение, **не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности**, поэтому не принимаются судом в качестве доказательств по статье 152 ГК РФ «Защита чести, достоинства и деловой репутации». Однако природа РА репрезентативов как речевых актов дискредитирующего типа требует от эксперта анализа не только фактологической, но и оценочной информации, которая определяет возможность оценки распространенной фактологической информации как негативно окрашенной (т. е. такой, которая может быть оценена впоследствии судом как «позорящая» или «порочающая» — дискредитирующая).

Инвариантная формула репрезентантов порочающего (дискредитирующего) типа в межличностном и институциональном общении с опорой на лингвоэкспертную практику может быть сформулирована следующим образом:

- А) Мы (Я) знаем X о лице;
- Б) Думаем, что ты не знаешь X о лице;
- В) Думаем, что ты должен это знать;
- Г) Говорим тебе это, потому что хотим, чтобы ты это знал;

где X — негативная информация о лице фактологического или оценочного типа.

Полагаем, что коммуникативная направленность высказывания, отождествляющая порочащий (дискредитирующий) РА, остается величиной постоянной (вариативность обусловлена отбором фактов: реальных или приписываемых лицу), направленной на умаление чести, деловой репутации или ущемления достоинства лица и причинение ему морального вреда **независимо от формы высказывания**.

Типологические признаки медиатекстов дискредитирующего типа представлены автором данной статьи в публикации [Чернышова 2014]. Анализ разных типов текстов, содержащих РА дискредитирующего типа, позволил выделить несколько вариантов изучаемого РА. В качестве инструмента описания используем положения семантической теории элементарных смысловых единиц («semantic primitives») А. Вежбицкой [Вежбицка 2007: 68–80], которые часто применяются лингвистами для описания различных речевых актов (Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев, М. Я. Гловинская и др.) и РЖ (А. Вежбицка, В. В. Дементьев, И. Г. Дьячкова, В. И. Жельвис, К. Ф. Седов и др.), а также в юрислингвистике, когда есть необходимость доказать наличие в спорном высказывании того или иного конфликтного РА (К. И. Бринев, Т. В. Чернышова и др.)

Как следует из типологии текстов [Чернышова 2013: 161–174], вариантов реализации этой типовой формулы может быть как минимум четыре — в зависимости от той информации о личной и общественной деятельности субъекта публикации, которой располагает автор медиатекста (см. схему 1). Иллокутивный элемент модели, общий для всех РА дискредитирующего типа, может быть сформулирован следующим образом: «Субъект публикации — плохой человек; все, что он делает — плохо (X), так как делает это он ради собственной выгоды; он делал это плохо в прошлом, будет делать это плохо в будущем и т. п.».

Примером реализации одного из вариантов модели РА дискредитирующего типа может быть публикация «Мертвые сраму не имут?» («МК на Алтае», 6–13 июля 2011 г.), повествующая об очередной олимпиаде сельских спортсменов, проходившей в минувшие выходные в одном из районов края. В ней говорится о том, что нехватку средств для проведения этого спортивного мероприятия местные власти *пытались решить с помощью своего высокопоставленного земляка — депутата АКЗС, председателя Союза*

Схема 1. Типология побудительных РА дискредитирующего типа

1. Typology of inducement speech acts of a defamatory type

крестьянских и фермерских формирований Алтая А. <...> Увы, вопреки ожиданиям А. продемонстрировал себя куркулем. Используемая автором в качестве общественно значимой оценки поведения депутата АКЗС лексема *куркуль* («Неодобрительное, разговорное, употребляемое как бранное слово. Жадный, скупой человек» [Химик 2004: 206–207]) представляется недостаточно мотивированной всем предшествующим и последующим контекстом, а информация о сельской олимпиаде дается автором лишь с целью концентрации внимания на личности А. как возможного (по мысли автора, недостойного) кандидата в АКЗС нового созыва.

Структура РА дискредитирующего типа с помощью примитивов А. Вежбицкой может быть описана следующим образом:

- А) Мы (Я) знаем X о лице;
- Б) Мы знаем, что X является негативно ценным в социуме и осуждается** (вариативный компонент модели);
- В) Думаем, что ты не знаешь X о лице;

- Г) Думаем, что ты должен это знать;
- Д) Говорим тебе это, потому что хотим, чтобы ты это знал;

где X — негативная оценочная информация о лице.

Стратегия дискредитации, маскируемая под личное мнение автора статьи, представленная в данном варианте РА, не содержит аргументации и фактологической информации, но изобилует негативной авторской оценкой; построенное таким образом высказывание представляет собой обобщенное отрицательное суждение говорящего, опирающееся на национальные аксиологические представления и не поддерживаемое в медиатексте системой доказательств (фактов) [Чернышова 2013: 166].

Вывод, напрашивающийся после анализа таких речевых актов: наличие РА дискредитирующего типа обусловлено не видом передаваемой автором информации, а иллокутивной силой намерения автора, организующей данный РА, которая остается постоянной независимо от вида информации.

4. Выводы

Подведем некоторые итоги.

1) На наш взгляд, проблема юридизации речевых конфликтов, относящихся как к оскорблениям, так и к прочим речевым действиям, связанным с отождествлением высказываний как призывов, утверждений, угроз и проч., обусловлена, с одной стороны, развитием экспертных лингвистических методик, предоставляющих большие возможности для отождествления речевых действий говорящих с указанными речевыми актами, с другой — ограничениями, которые налагаются российским законодательством на квалификацию речевых действий как преступлений, и, в какой-то мере, размытостью законодательных формулировок, позволяющих по-разному квалифицировать одно и то же речевое действие.

2) В качестве дискредитирующих высказываний признаются только утверждения о фактах. При этом вне внимания судебных и следственных органов остается тот факт, что оценочные высказывания, как правило, должны **что-то оценивать**, а негативное мнение автора высказывания должно опираться **на систему фактов и аргументацию пишущего**: таким образом, не принимается во внимание и остается безнаказанным речевое поведение

говорящих, содержащее только оценочные суждения, — факты автор опускает, но обыденное сознание читателей и слушателей негативную оценку личностных и деловых качеств субъекта речи безусловно фиксирует («нет дыма без огня!») и, говоря словами Дж. Р. Серля, коммуникативные намерения автора «опознает» безошибочно, к каким бы речевым уловкам он ни прибегал.

Литература

- Баранов 2011 — А. Н. Баранов. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика: учеб. пособие. Изд. 3. М.: Флинта; Наука, 2011.
- Баранов 2017 — А. Н. Баранов. Лингвистика в лингвистической экспертизе (метод и истина) // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2. Языкознание. 2017. Т. 16. № 2. С. 18–27.
- Бринев 2009 — К. И. Бринев. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул: Изд-во Алтайского пед. ун-та, 2009.
- Бринев 2013 — К. И. Бринев. Справочник по судебной лингвистической экспертизе. М.: Книжный дом «Либроком», 2013.
- Голев 2000 — Н. Д. Голев. Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема // Н. Д. Голев (ред.). Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2000. С. 8–40.
- Здесенко 2015 — Е. Ю. Здесенко. Особенности использования речевых актов в российской социальной рекламе // Р. Р. Газизов, М. Х. Фатыхова (ред.). Мультимедийная журналистика Евразии — 2015: Медиатизация социально-культурного пространства и медиакратия в условиях новой медиареальности Востока и Запада. Евразия молодая — 2015: Сборник материалов и научных статей IX Международной научно-практической конференции. 2015. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 2016. С. 337–342.
- Караваева 2013 — Н. А. Караваева. Заметки переводчика: характер выражаемой интенции говорящего // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 1. С. 152–156.
- Лебедева 2000 — Н. Б. Лебедева. О метаязыковом сознании юристов и предмете юрислингвистики (к постановке проблемы) // Н. Д. Голев (ред.). Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2000. С. 56–71.
- Ли, Карымсакова 2016 — В. С. Ли, Р. Д. Карымсакова. Лингвистическая прагматика и теория речевых актов как научный метод судебной лингвистической экспертизы (из лингвоэкспертной практики) // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2016. № 3. С. 155–159.

- Радбиль, Юматов 2013 — Т. Б. Радбиль, В. А. Юматов. Возможности и перспективы применения теории речевых актов в лингвистической экспертизе // Вестник Нижегородского гос. ун-та им. Н. Н. Лобачевского. 2013. № 1 (1). С. 286–290.
- Серль 1986а — Дж. Р. Серль. Классификация иллокутивных актов // Б. Ю. Городецкий (ред.). Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. URL: http://www.classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/_4.htm (дата обращения 10.01.2019).
- Серль 1986б — Дж. Р. Серль. Что такое речевой акт? // Б. Ю. Городецкий (ред.). Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. URL: http://www.classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/_4.htm (дата обращения 10.01.2019).
- Чернышова 2013 — Т. В. Чернышова. Типологические признаки медиатекстов с псевдосоциальной оценочностью // Филология и человек. 2013. № 3. С. 161–174.
- Чернышова 2014 — Т. В. Чернышова. Типологические признаки речевого жанра дискредитации в медиадискурсе // Филология и человек. 2014. № 1. С. 31–39.
- Чернышова 2016 — Т. В. Чернышова. Аналитико-экспертная деятельность филолога и проблема выбора метода в современной лингвоэкспертной практике // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2016. Т. XII. Ч. 3. С. 335–350.

Источники

- Александрова 2001 — З. Е. Александрова. Словарь синонимов русского языка. 11-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 2001.
- Гражданский кодекс РФ — Гражданский кодекс Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148454/3d0ca60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100158 (дата обращения 10.01.2019).
- Елистратов — В. С. Елистратов. Словарь русского арго (электронный ресурс). URL: <http://gramota.ru/slovari/argo/>
- Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях — Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 23.04.2018). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения 10.01.2019).
- Постановление Пленума Верховного Суда РФ — Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52017/ (дата обращения 10.01.2019).

- Словарь синонимов — Словарь синонимов (электронный документ). URL: https://all_words.academic.ru/69221/порочащий (по состоянию на 10.01.2019).
- Уголовный кодекс РФ — Уголовный кодекс Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 10.01.2019).
- Федеральный закон — Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». URL: <http://base.garant.ru/12123142/741609f9002b-d54a24e5c49cb5af953b/> (дата обращения 10.01.2019).
- Химик 2004 — В. В. Химик. Большой словарь русской разговорной речи. СПб.: Норинт, 2004.

References

- Baranov 2011 — A. N. Baranov. *Lingvističeskaya ekspertiza teksta: teoriya i praktika* [Linguistic expertise of the text: theory and practice]. 3rd edition. Moscow: Flinta; Nauka, 2011.
- Baranov 2017 — A. N. Baranov. *Lingvistika v lingvističeskoj ekspertize (metod i istina)* [Linguistics in linguistic expertise (method and truth)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Series 2. Yazykoznanije*. 2017. Vol. 16. No. 2. P. 18–27.
- Brinev 2009 — K. I. Brinev. *Teoreticheskaya lingvistika i sudebnaya lingvističeskaya ekspertiza* [Theoretical linguistics and forensic linguistic expertise]. Barnaul: Publishing house of the Altai state Pedagogical University, 2009.
- Brinev 2013 — K. I. Brinev. *Spravochnik po sudebnoy lingvističeskoj ekspertize* [Handbook of judicial linguistic expertise]. Moscow: Knizhnyy dom «LIBROKOM», 2013.
- Chernyshova 2013 — T. V. Chernyshova. *Tipologicheskie priznaki mediatekstov s psevdosotsialnoy otsenochnostyu* [Typological signs of media texts with pseudo-social assessment]. *Filologiya i chelovek*. 2013. No. 3. P. 161–174.
- Chernyshova 2014 — T. V. Chernyshova. *Tipologicheskie priznaki rechevogo zhanra diskreditatsii v mediadiskurse* [Typological features of defamation as a speech genre in media discourse]. *Filologiya i chelovek*. 2014. No. 1. P. 31–39.
- Chernyshova 2016 — T. V. Chernyshova. *Analitiko-ekspertnaya deyatel'nost' filologa i problema vybora metoda v sovremennoy lingvovoyekspertnoy praktike* [Analytic and expert activities of a philologist and the problem of choosing a method in modern lingvo-expert practice]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvističeskikh issledovaniy RAN*. 2016. Vol. XII. Pt. 3. P. 335–350.
- Golev 2000 — N. D. Golev. *Yuridizatsiya yestestvennogo yazyka kak lingvističeskaya problema* [Legalization of natural language as a linguistic problem]. N. D. Golev (ed.). *Yurislingvistika-2: Russkiy yazyk v yego yestestvennom*

- i yuridicheskoy bytii*. [Juridical linguistics-2. Russian Language in its natural and legal being]. Barnaul: Altai State University Press, 2000. P. 8–40.
- Karavayeva 2013 — N. A. Karavayeva. Zametki perevodchika: kharakter vyrazhayemoy intensii govoryashchego [Translator's notes: the nature of the speaker's intention expressed]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. Series: *Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2013. No. 1. P. 152–156.
- Lebedeva 2000 — N. B. Lebedeva. O metazykovom soznanii yuristov i predmete yurisl'ingvistiki (k postanovke problemy) [On the metalinguistic consciousness of lawyers and the subject of legal studies (to the formulation of the problem)]. *Yurisl'ingvistika-2: Russkiy yazyk v yego yestestvennom i yuridicheskoy bytii*. [Juridical linguistics-2. Russian Language in its natural and legal being]. Edited by N. D. Golev. Barnaul: Altai State University Press, 2000. P. 56–71.
- Li, Karymsakova 2016 — V. S. Li, R. D. Karymsakova. Lingvisticheskaya pragmatika i teoriya rechevykh aktov kak nauchnyy metod sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy (iz lingvоекspertnoy praktiki) [Linguistic pragmatics and theory of speech acts as a scientific method of judicial linguistic expertise (from linguistic expert practice)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2016. No. 3. P. 155–159.
- Radbil, Yumatov 2013 — T. B. Radbil, V. A. Yumatov. Vozmozhnosti i perspektivy primeneniya teorii rechevykh aktov v lingvisticheskoy ekspertize [Opportunities and prospects for the application of the theory of speech acts in linguistic expertise]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.N. Lobachevskogo*. 2013. No. 1 (1). P. 286–290.
- Searle 1986a — J. R. Searle. Klassifikatsiya illokutivnykh aktov [A Classification of Illocutionary Acts]. B. Yu. Gorodetskiy (ed.). *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. Vyp. 17. Teoriya rechevykh aktov [New in foreign linguistics. Issue 17. Theory of speech acts]. Moscow: Progress, 1986. Available at: http://www.classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/_4.htm (accessed on 10.01.2019).
- Searle 1986b — J. R. Searle. Chto takoye rechevoy akt? [What is a speech act?]. B. Yu. Gorodetskiy (ed.). *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. Vyp. 17. Teoriya rechevykh aktov [New in foreign linguistics. Issue 17. Speech Act Theory]. Moscow: Progress, 1986. Available at: http://www.classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/_4.htm (accessed on 10.01.2019).
- Zdesenko 2015 — Ye. Yu. Zdesenko. Osobennosti ispolzovaniya rechevykh aktov v rossiyskoy sotsial'noy reklame [Features of the use of speech acts in the Russian social advertising]. *Multimediyaya zhurnalistika Yevrazii — 2015: Mediatizatsiya sotsialno-kulturnogo prostranstva i mediakratiya v usloviyakh novoy mediarealnosti Vostoka i Zapada. Yevraziya molodaya — 2015*. [Multimedia journalism of Eurasia-2015: Mediatization of social and

cultural space and media democracy in the new media reality of the East and West. Eurasia young — 2015]. A collection of materials and research papers of the IX International research and practice conference. 2015. Kazan: Kazan State University Press, 2016. P. 337–342.

Sources

- Aleksandrova 2001 — Z. E. Aleksandrova. Slovar sinonimov russkogo yazyka. [Dictionary of Synonyms of the Russian]. Moscow: Russkiy yazyk, 2001.
- Federalnyy zakon — Federalnyy zakon ot 31 maya 2001 g. № 73-FZ «O gosudarstvennoy sudebno-ekspertnoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii». [Federal Law of May 31, 2001 No. 73-FL "On the state forensic activity in the Russian Federation"]. Available at: <http://base.garant.ru/12123142/741609f9002bd54a24e5c49cb5af953b/> (accessed on 10.01.2019).
- Grazhdanskiy kodeks RF — Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii [Civil Code of the Russian Federation]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148454/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100158 (accessed on 10.01.2019).
- Yelistratov — V. S. Yelistratov. Slovar russkogo argo [The Russian Argo Dictionary] (electronic resource). Available at: <http://gramota.ru/slovari/argo/> (accessed on 10.01.2019).
- Khimik 2004 — V. V. Khimik. Bolshoy slovar russkoy razgovornoy rechi [The Large Dictionary of Russian Colloquial Speech]. St. Petersburg: Norint, 2004.
- Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh — Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh ot 30.12.2001 N 195-FZ (red. ot 23.04.2018). [The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 12/30/2001. N 195- FL (revised from 04.23.2018)]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (accessed on 10.01.2019).
- Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF — Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 24.02.2005 N 3 «O sudebnoy praktike po delam o zashchite chesti i dostoinstva grazhdan, a takzhe delovoy reputatsii grazhdan i yuridicheskikh lits». [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of February 24, 2005 No. 3 "On judicial practice in cases of protecting the honor and dignity of citizens, as well as the business reputation of citizens and legal entities"]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52017/ (accessed on 10.01.2019).
- Slovar sinonimov — Slovar sinonimov [The Synonym Dictionary]. Available at: https://all_words.academic.ru/69221/%D0%BF%D0%BE%D1%80%D0%BE%D1%87%D0%B0%D1%89%D0%B8%D0%B9 (accessed on 10.01.2019).
- Ugolovnyy kodeks RF — Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii [Criminal Code of the Russian Federation]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (accessed on 10.01.2019).